На правах рукописи

Волков Иван Васильевич

Исторические аспекты цивилизационной политики царской России в Средней Азии

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук

Мытищи – 2020

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кыргызско-Российский Славянский университет» на кафедре истории и культурологии гуманитарного факультета

Научный консультант доктор исторических наук, профессор
Колесников Александр Антонович

Официальные оппоненты:

Брежнева Светлана Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина», кафедра истории России, профессор;

Васильев Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, доцент, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет», кафедра отечественной истории, профессор;

Литвинов Владимир Петрович, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», кафедра истории и историко-культурного наследия, профессор.

Ведущая организация: Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана.

Защита состоится «31» марта 2021 г. в 15 ч. 00 м. на заседании диссертационного совета Д 212.155.05 по историческим наукам на базе Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области Московского государственного областного университета по адресу: 105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 21а, ауд. 305.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГОУ по адресу: 105005, Москва, ул. Радио д. 10А, а также на сайте: http://mgou.ru

Автореферат разослан «___» _____2020 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 212.155.05,
кандидат исторических наук, доцент Я.В. Соловьев

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена ростом процесса глобализации в современном мире, неоднозначным по своей природе. С одной стороны, появляются признаки формирования планетарной цивилизации, основанной на обширном экономическом и ином сотрудничестве, с другой – каждая страна старается сохранить ценности своего традиционного уклада жизни. Это явление объективно и диалектично, в нем активно взаимодействуют все категории, в частности, *общего*, *единичного* и *особенного*. Оно имеет глубокие исторические корни, уходящие во времена Великого Шелкового пути как канала межцивилизационного взаимодействия стран Востока и Запада. Позже его значение ослабло, но на смену ему пришли Великие географические открытия, связавшие цивилизационными узами передовую Европу с отдаленными и отсталыми в развитии регионами мира. Таким образом, формы межцивилизационного взаимодействия стран и народов функционируют в мире издавна.

Представляется очевидным, что это взаимодействие было недолго спонтанным и хаотичным – в эпоху колониальных захватов оно приобретает политический характер, то есть становится важным компонентом зарубежных мероприятий европейских держав. Формируется *цивилизационная политика*, как арсенал средств и методов приобщения и приучения народов завоеванных стран к тем жизненным порядкам, которые были полезны и выгодны колонизаторам. Ее важной составной частью стало христианское миссионерство. В разных местах мира такая политика была насильственной и грубой, но она имела и свои результаты, порождая фактически повсеместно и практические позитивы, изменявшие в той или иной мере жизнь покоренных людских сообществ в отсталых странах Азии, Африки и Латинской Америки. Процесс был своеобразным. Индийская цивилизация по времени существования кратно превышала британскую и сумела сохранить себя в колониальный период, однако при этом она очень многое усвоила из цивилизационного опыта англичан. Даже независимые страны Азии подверглись заметному цивилизационному воздействию европейских держав. Несмотря на замкнутость Японии, преданность ее аборигенов своим многовековым традиция, следов полезного западного влияния в стране уже в конце XX – начале XX в. было немало. То же имело место и в конфуцианском Китае. Из вышеприведенного следует, что стремление западных стран к изменению порядков в своих «лимитрофах» в выгодном для себя отношении было именно *цивилизационной политикой*. И этот термин достаточно широко применялся во все времена в науке – истории, обществознании, этнологии, социологии и др., а равно в публицистике, журналистике, прозе и т.п.

Вышеприведенное дает основания говорить о цивилизационной политике Российского государства, которое было своеобразным «тиглем», переплавлявшим элементы многих этноконфессиональных культур, порождая ту многонациональную цивилизацию, которая позже стала базовой основой царистской империи, советской и нынешней Федерации. Россия не была

«классической» колониальной державой, завоевывавшей отдаленные части Света. В большинстве случаев она присоединяла к себе соседние территории, выступая как «собирательница» земель. Известно, что вся Сибирь вошла в состав Российского государства мирно и без кровопролития. Многие этносы Поволжья и Севера добровольно к нему присоединились. Казанское и Астраханское ханства не оказали Москве сильного сопротивления. Добровольно присоединились к России Украина, а затем и Казахстан. Часть территорий были абсорбированы ею на договорной основе. Поэтому Российское государство в середине XIX в., начале присоединения к нему Средней Азии представляло собой единое «материковое тело», территориальный монолит. Вследствие единой цивилизационной политики властей на национальных окраинах империи появились новые экономические и иные формы государственного, общественного и бытового порядка, которые мирно сосуществовали с региональными и этническими особенностями, сложившимися издревле. Россия сохранила большинство из них в неприкосновенности. Терпимость к старому при внедрении новых форм жизни стала основным алгоритмом цивилизационной политики царизма и привела к относительной сбалансированности сосуществования разных этносов и религий в различных отдаленных частях царской империи.

Присоединение Средней Азии, соседствующей с «монолитом» Российской империи, поставило перед ее правительством новые задачи цивилизационной политики, поскольку регион, в отличие от всех прочих в стране, был почти исключительно исламским и отрешенным от всемирной и российской модернизации периода «великих реформ» 1860-1870-х гг. Накопленный до этого соответствующий опыт отношений с «русским» мусульманством, безусловно, мог пригодиться, но лишь отчасти, так как оно уже давно было включено в орбиту экономического и иного развития страны. Требовались новые подходы, сочетавшие в себе элементы прошлых достижений власти на поприще цивилизационной работы с мусульманами России и принципиально новые решения в Средней Азии. Изучению этого обстоятельства и посвящено данное историческое исследование.

Объектом исследования является цивилизационная политика царского правительства на российских территориях Средней Азии.

Предметом исследования выступают исторические аспекты деятельности Российского государства по цивилизационному преобразованию жизни коренных народов региона.

Хронологические рамки исследования включают в себя период от первых торгово-экономических контактов России со Средней Азией до падения царской власти в регионе, однако, главным образом, изучается время его пребывания в составе Российской империи в 1865-1917 гг.

Территориальные рамки исследования заслуживают особого внимания, так как в административном отношении российские владения в Средней Азии до конца XIX в. не представляли собой единого целого. Образованная в 1865 г. Туркестанская область входила в состав Оренбургского генерал-губернаторства. В 1867 г. было учреждено

Туркестанское генерал-губернаторство (край) с центром в Ташкенте, в составе двух областей – Семиреченской и Сырдарьинской. После распада Кокандского ханства в 1876 г. на его территории была образована Ферганская область, включенная в состав Туркестанского края. В 1881 г. на территории Средней Азии была создана Закаспийская область, подчиненная властям Русского Кавказа, а с февраля 1890 г. – военному министерству. В 1882 г. Семиреченская область – часть Средней Азии была передана в состав Степного генерал-губернаторства. Игнорируя указанные административные перегородки в регионе, в науке, публицистике и даже в официальных документах применялся объединительный термин: «Русский Туркестан». Он приобрел действительно полноценный смысл после того, как 26 декабря 1897 г. «именным» царским указом Закаспийская и Семиреченская область были переданы в состав Туркестанского края и одноименного военного округа. Таким образом, понятия «Средняя Азия» и «Русский Туркестан» можно считать, в известной мере, синонимичными.

Степень разработанности темы. Обзор имеющейся по теме диссертации историографии, позволяет утверждать, что вплоть до сегодняшнего дня цивилизационная политика Российского государства в дореволюционной Средней Азии не становилась предметом специального изучения. Ее анализ показывает, что в дореволюционный период российские историки и публицисты писали о цивилизующей роли России в Туркестане, характеризуя ее не только похвально, но и критически. Некоторые зарубежные исследователи того времени считали такую роль позитивной, однако было немало политически ангажированных авторов, расценивавших цивилизационные мероприятия царской России в Средней Азии отрицательно. Советская историография вначале придерживалась таких же позиций, считая, что российский царизм выступал в регионе как «колонизатор», угнетающий коренные народы Туркестана, но признавала классовую солидарность с ними всех трудящихся страны. В конце 1930-х гг. вектор оценки царского режима в Средней Азии изменился, но тезис о его угнетательской сущности остался.

В послевоенный период роль России в дореволюционном Туркестане получила позитивные оценки в историографии, но только через цивилизационную деятельность русского народа, так как указанный тезис продолжал довлеть над исследователями. В постсоветский период российские историки стали объективно оценивать цивилизационную роль России в Средней Азии, то есть и с критических позиций. Но в целом она представляется ими как позитивная. В государствах «Центральной Азии» националистически ориентированные авторы расценивают цивилизационную роль царской России исключительно как «колонизаторскую», не усматривая в ней ничего положительного. Вместе с тем, многие исследователи в указанных странах считают, что в дооктябрьский период Россия привнесла немало полезных инноваций в жизнь народов Средней Азии. Концепция диссертанта по этому поводу заключается в том, что цивилизационная политика царского правительства в регионе была направлена, прежде всего,

на модернизацию основных сфер жизнедеятельности коренного населения, постепенное приобщение его к общегосударственным условиям социально-экономического, политического, культурного и иного развития.

Цель исследования заключается в выделении и анализе ключевых компонентов политики царской России и ее влияния на исторические судьбы народов Средней Азии.

Задачами исследования являются:

- охарактеризовать методологическую основу диссертационной работы;
- осуществить обзор историографии по избранной теме исследования;
- оценить значимость источниковой базы в разработке проблемы;
- исследовать государственно-правовые основы административного устройства в Русском Туркестане, обратив особое внимание на функционирование «военно-народного управления» в крае;
- вскрыть сущность военно-политических мероприятий царизма по охране российских интересов в регионе;
- проанализировать развитие торговых связей между Россией и Средней Азией до и после ее присоединения к царистской империи;
- показать содержание экономического прогресса в регионе как части капиталистической модернизации России, его соответствие традиционным условиям хозяйственной жизни коренных народов Туркестана;
- обосновать, что только с присоединением к России в Средней Азии появилась государственная система здравоохранения;
- подтвердить тезис о том, что царские власти сохранили в Туркестане традиционную мусульманскую систему образования, не вмешивались в ее функционирование, но старались привлечь «туземную» молодежь к обучению в русских учебных заведениях;
- рассмотреть нормативно-правовые основы переселения российских казаков, крестьян, мещан и представителей иных сословий в Туркестан;
- выяснить значение переселения россиян в Среднюю Азию как канала привнесения новых форм жизни, важного условия межцивилизационного взаимодействия пришлого и коренного населения региона.

Источниковая база исследования подробно анализируется в третьем параграфе первой главы диссертации. Необходимо указать на то, что материалы разнообразных источников, особенно законодательные акты в совокупности с делопроизводственной документацией, выявленной в архивах, позволили более полно и объективно раскрыть основные направления цивилизационной политики царского правительства в Русском Туркестане и эффективность мероприятий местной власти по проведению ее в жизнь.

Методологическая основа исследования. Автор отмечает, что диссертация построена не на сугубо теоретических конструкциях, а на мировоззренческих онтологических позициях, тесно связанных с избранной темой исследования. На их основе была сформулирована научно-историческая гипотеза, призванная описать и объяснить исторические факты,

события и процессы цивилизационного влияния царской России на базисные устои в Средней Азии и жизнедеятельность ее коренного населения. Она сыграла организующую роль в работе, позволила более четко, ясно и логично определить ее цели и задачи. Автор выдвигает основной методологический концепт диссертации, заключающийся в том, что цивилизационная политика царской России в Средней Азии положила начало широкомасштабной модернизации основных сфер жизни региона. Важным структурным элементом методологии диссертации явилась парадигма исторического исследования, которая позволила более предметно рассмотреть основные направления исследования и определить методологические средства для решения его научных задач. К исследованию был привлечен междисциплинарный подход. Активно применялся компаративный (историко-сравнительный) метод. Для раскрытия сущности цивилизационных мероприятий царской власти в Туркестане использовался метод ситуационного анализа. С тем, чтобы установить их последовательность применялся проблемно-хронологический метод. Важную роль в исследовании сыграл историко-географический подход, позволивший четко определить пространство российско-среднеазиатского межцивилизационного взаимодействия. Для анализа социально-экономических преобразований царизма в Средней Азии применялся формационный метод, а – социокультурных – цивилизационный. В плане изучения переселенческой политики царской России в Туркестане автор использовал методы структурно-демографической теории. Он отдает должное методам истории повседневности, альтернативным подходам к изучению темы, применяет некоторые элементы синергетического метода. В качестве всеобщего в работе выступает диалектический метод. Для всестороннего выяснения сути исследуемых проблем использовались различные общенаучные (основные) и частные методы, отраженные в тексте диссертации. Автор считает, что в результате рационального применения методологических установок диссертационная работа получила прочный научно-теоретический фундамент.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем:

- впервые осуществлено комплексное изучение цивилизационной политики царской России в Средней Азии как основы модернизации данного региона;

- на основании нормативно-правовых государственных установлений царского периода критически переосмыслены псевдонаучные исторические работы, отрицающие позитивное значение российского присутствия в дореволюционном Туркестане и искажающие его роль в прогрессивных изменениях в жизни коренного населения региона;

- установлена связь административно-судебной политики царизма с военно-политическими мероприятиями по охране российских интересов в Туркестане, особенно в части военной разведки и контрразведки;

- дана развернутая характеристика всесторонней модернизации традиционных условий жизни коренного населения и мер по ее культурно-хозяйственным преобразованиям;

- выявлены новые правовые данные по созданию в Туркестане государственной системы здравоохранения, которая ранее здесь фактически отсутствовала;

- раскрыта специфика народного образования в Туркестанском крае, сочетавшая, в интересах культурного обновления коренного социума, традиционные мусульманские учебные заведения с российскими образовательными учреждениями;

- исследована роль переселенческой политики царской России в цивилизационном преобразовании Туркестана, обеспечившей, несмотря на ее ошибки, экономическое и социокультурное взаимодействие «пришлого» и коренного населения региона и заложившей фундамент интернационального сотрудничества;

- введены в научный оборот многочисленные правовые документы.

Таким образом, общая новизна диссертационного исследования сводится к объективному доказательству тех обстоятельств цивилизационной политики России в Средней Азии, которые ранее либо вообще не изучались, либо преувеличивались, либо искажались в угоду различным политическим интересам.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Фактически все европейские державы, имевшие колониальные владения, прибегали к цивилизационной политике с тем, чтобы установить в них порядки, господствующие в метрополиях. Часто это сопровождалось насильственной ломкой традиционных форм жизни коренного населения и навязывания ему новых, чуждых условий существования. Российское правительство тоже использовало указанную политику, однако на вновь присоединенных территориях оно старалось внедрять среди аборигенного населения новые формы жизни, сохраняя его традиционные порядки, не противоречившие гуманности и прогрессу. Этому в значительной мере способствовало то, что Российская империя представляла собой огромное, но единое и слитное пространство. Можно считать, что ко времени присоединения Средней Азии к России в стране в целом сложилось сбалансированное сосуществование русских людей с так называемыми «инородцами».

2. Включение Средней Азии в состав Российской империи потребовало от царского правительства применения административных установлений, соответствующих специфике региона, резко отличавшегося по этноконфессиональному составу населения от всех других национальных окраин страны. В Русском Туркестане утвердилась модель «военно-народного управления», зиждившаяся на сотрудничестве государственной администрации с органами «туземного» самоуправления и суда. Военная и гражданская власть была нераздельно сосредоточена в руках генерал-губернатора и военных губернаторов областей края, что облегчало диалог

русской администрации с коренным населением. Царизм сохранил традиционные суды кочевых и оседлых народов региона, обеспечил их выборность, исполнение судебных решений и невмешательство русской власти в деятельность биев и казиев. В целом такая административно-судебная модель оправдала себя и соответствовала военно-стратегическим планам России и интересам коренного населения.

3. Охранительные функции царской администрации в Средней Азии были направлены на упрочение российского присутствия в регионе, обеспечивали в нем мир и безопасность, необходимые для спокойной жизни и созидательного труда всего населения Русского Туркестана. Они имели достаточно надежное обеспечение в виде совокупной деятельности армии, «военной» полиции, политического сыска («охранки»), разведывательного и контрразведывательного подразделений Штаба Туркестанского военного округа, а также соответствующих служб Отдельного корпуса пограничной стражи и Министерства иностранных дел. На протяжении полувека они обеспечивали устои царской власти, однако не уберегли от падения.

4. Торгово-экономические отношения между Россией и Средней Азией сложились за несколько веков до ее присоединения к царистской империи. Они развивались на одном пространстве Евразии, где обе стороны процесса близко соседствовали друг с другом. Среднеазиатские купцы свободно пребывали в городах Сибири, Астрахани и Оренбургского края. Царское правительство было заинтересовано в развитии торговли с Туркестаном и обеспечивало ее многими льготами. С присоединением Средней Азии к России торгово-экономические связи получили дополнительные импульсы развития и составили канву цивилизационного взаимодействия между ними.

5. Присоединение к России, вступившей на путь форсированного капиталистического развития, придало экономическому и иному развитию региона модернизационный характер. Появились первые промышленные предприятия, акционерные общества, финансовые учреждения, новые импульсы получило развитие внутренней и внешней торговли. Несмотря на отсталые технологии, при русской власти развитие сельского хозяйства в Средней Азии ускорилось. Государство поддерживало развитие ирригационной системы в крае. Оно контролировало использование сырьевых источников – горнорудных, нефтяных, лесных и др. Представляется очевидным, что ускорение экономического развития региона при русской власти явилось главным условием цивилизационной модернизации жизни коренного населения дореволюционной Средней Азии.

6. В дороссийский период в Средней Азии полностью отсутствовала система государственного здравоохранения. Россия впервые привнесла в регион организованную властью медицинскую помощь местному населению. Проводилась широкая кампания по оспопрививанию, борьбе с эпидемическими заболеваниями. Полностью их губительная угроза не была ликвидирована, но она была в значительной мере ослаблена. Было открыто множество лечебных заведений разного типа, обслуживавших и коренное

население, в том числе женщин и детей. Успехи русских медиков сыграли большую роль в росте доверия «туземных» жителей к новой власти.

7. В сфере образования в дороссийский период в Средней Азии господствовала мусульманская религиозная школа. Русская власть сохранила все ее учреждения и не вмешивалась в их образовательную деятельность, не исключая и «новометодных» школ, осуждаемых исламским духовенством. Государственный контроль над ними ограничивался лишь инспекторским надзором за состоянием мусульманских учебных заведений. Насильственной русификации в них не проводилось, хотя имели место опыты мирного внедрения преподавания русского языка, не получившие большого успеха. Вместе с тем, царская власть старалась приобщить «туземную» молодежь к новым формам образования в русско-туземных школах, что имело ограниченные, но позитивные результаты. В чисто российских учебных заведениях обучалось мало детей из коренного населения. Есть основания утверждать, что социальная политика царской власти в Русском Туркестане отличалась искренним гуманистическим содержанием и имела большие цивилизационные последствия, но проявившиеся только в будущем.

8. Переселенческая политика царского правительства в Русском Туркестане диктовалась малоземельем во внутренних регионах страны. Главная напряженность в отношениях между пришлым и коренным населением заключалась в земельной проблеме. Нормативно-правовые акты по переселению регулировали предоставление мигрантам земель и льгот, однако они затрагивали интересы коренного населения, чем осложняли процесс межцивилизационного взаимодействия между переселенцами и аборигенами Средней Азии. Но еще больше он осложнялся неконтролируемыми самовольными миграциями.

9. Посредством переселения царизм стремился создать прочную опору своей власти в Средней Азии в лице христианского населения, но при этом он не допускал в регионе православного и иного христианского миссионерства. Взаимодействие пришлого и коренного населения было обоюдным и взаимовыгодным. Процесс был противоречивым – с одной стороны, он приводил к изъятию земель у коренного населения, что вызывало его недовольство и сопротивление, а, с другой, привносил в регион новые формы передовой цивилизации в сфере жизнедеятельности коренного социума. Вместе с тем, не следует преувеличивать влияние переселенцев на местных жителей, считая его исключительно позитивным и односторонним. Во-первых, мигранты привнесли в жизнь «туземцев» и немало негативных черт, а, во-вторых, они сами немало усвоили полезных элементов из традиционной цивилизации среднеазиатских народов. Поэтому, несмотря на разного рода объективные и субъективные издержки, непростой по своему содержанию процесс межцивилизационного сотрудничества в дореволюционной Средней Азии в целом носил позитивный характер.

Теоретическая значимость исследования представляется достаточно обширной. Диссертант придал работе значительный теоретико-правовой аспект – исследование граничит с такой наукой, как теория и история

государства и права. В теоретическом плане представляют интерес попытки автора ассоциировать цивилизационную политику царской России в Средней Азии с модернизацией традиционного жизненного уклада в регионе.

Практическая значимость исследования состоит в том, что она может использоваться профессиональными историками региона, в том числе зарубежными, при изучении его прошлого, преподавателями отечественной и всеобщей истории, этнологии, географии в учебных заведениях разного типа, журналистами и политологами, пишущими о «Центральной Азии». Исследование может заинтересовать политиков и дипломатов, работающих на среднеазиатском направлении. Кроме того, оно может оказаться полезным для духовенства разных конфессий, работающего со своими адептами в Средней Азии.

Терминологические особенности исследования заключаются в том, что диссертант относится с сомнением к термину «Центральная Азия», применительно к среднеазиатской территории. В дореволюционный и советский периоды им обозначалась другая часть Азиатского континента - пространство от Сарыкола на Памире до восточной оконечности Внутренней Монголии. Современная «Центральная Азия» находится на окраине азиатского материка, граничит с Европой и потому вряд ли может считаться действительной центральной его частью. Поэтому в работе употребляется термин «Средняя Азия». В некоторых случаях применительно к ней используется термин «Центральная Азия», который закавычивается с тем, чтобы отличить ее от действительно научно-географического определения региона. Что касается термина «Русский Туркестан», то он применялся для того, чтобы отделять российские территории Средней Азии от земель региональных ханств – Бухарского, Кокандского (до 1876 г.) и Хивинского.

Достоверность результатов диссертационного исследования и обоснованность его выводов обеспечиваются всем комплексом привлеченных автором к исследованию материалов – методологических, историографических, источниковых, статистических и др., имеющих как прямое, так и косвенное отношение к избранной теме, использованием результативных методов, подходов и приемов, публикацией основных положений диссертации в научных изданиях, рецензируемых ВАК РФ. Достоверность результатов диссертационной работы не противоречит соответствующим итогам научных исследований, проведенных другими авторами по истории Средней Азии.

Апробация исследования состоялась на международных и всероссийских конференциях. По теме диссертации автор опубликовал 2 монографии объемом в 39,5 печ. л., а также 45 статей объемом в 23,3 п. л., в том числе 19 статей объемом в 9,6 п. л. в научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры истории и культурологии гуманитарного факультета Кыргызско–Российского Славянского университета, была одобрена и рекомендована к защите.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, пяти глав, объединяющих 11 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

Во ***Введении*** характеризуется актуальность избранной темы исследования, выявляется степень её научной разработанности, указываются объект и предмет исследования, его цель и задачи, методологические основы работы, её научная новизна, теоретическая и практическая значимость, освещается апробация результатов исследования.

Первая глава «Теоретико-методологические, историографические и источниковедческие проблемы анализа роли России в исторических судьбах народов Средней Азии» включает три параграфа.

В *параграфе 1.1. – «Теоретико-методологические основы исследования»* автор, развивая мысли, высказанные им о методологии во введении, отмечает, что в отечественной исторической науке идет «процесс теоретико-методологического переоснащения научного знания, наиболее приметной чертой которого является выраженное стремление к преодолению дисциплинарных границ и барьеров, иными словами – к полидисциплинарному синтезу… вместе с тем, механистичность заимствования из других дисциплин и даже использование порой взаимоисключающих подходов оборачивается нередко теоретическим хаосом и методологической беспринципностью»[1]. Поддерживая мнение о необходимости совершенствования методологии исторического познания в новых исторических условиях, автор считает, что методология истории должна представлять собой не абстрактные теоретические конструкции, а подлинно научное мировоззрение. По его мнению, произвольные интерпретации событий всемирно-исторического процесса являются следствием небрежения диалектикой как генеральным принципом познания. В диссертации в качестве всеобщего выступает диалектический метод, как способ научного познания, основанный на универсальных законах и категориях диалектики, признающий закономерное развитие мировых процессов, явлений и событий. Автор поясняет, каким образом изучение цивилизационной политики царской России в Средней Азии соответствовало им. Вместе с тем, по его мнению, не все события, явления и факты могут быть изъяснены при помощи диалектического метода.

Диссертант рассматривает проблему соотношения «формационного» и «цивилизационного» методов, отмечая при этом, что в работе он применял оба метода исторического познания, что зависело от предмета изучения. Первый использовался при характеристике экономических, политических и т.п. проблем, а второй – сфер религии, образования, здравоохранения и др.

---

[1] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 5.

Базовым теоретико-методологическим фундаментом диссертации стали принципы историзма, научной объективности, целостности, детерминизма и различные подходы исторической науки. Следуя им, автор рассматривал проблемы исследования цивилизационной политики царской России в Средней Азии, с позиций объективных закономерностей, добиваясь истинной научности исторического знания. Кроме того, в диссертационном исследовании в качестве основных использовались общенаучные и частнонаучные методы, которые позволили более полно и глубоко изучить сущность тех или иных явлений.

В заключение параграфа автор отмечает, что применение достижений отечественной методологии исторического познания обеспечило прочный теоретический фундамент диссертационного исследования.

В *параграфе 1.2. – «Историографический обзор проблемы»* автор указывает, что историография темы диссертации отличается множественностью и разнообразием.

Значительный вклад в дореволюционную историографию Средней Азии внесли труды известных российских исламоведов и туркестанских деятелей В.П. Наливкина[2] и Н.П. Остроумова[3]. Большое значение имело знакомство с трудами академика В.В. Бартольда, который позиционировал себя, прежде всего, как туркестановед[4].

Вопросы экономического развития региона нашли отражение в относительно небольшом числе исследований[5]. К сожалению, это можно сказать и о сельском хозяйстве, хотя оно представляло основной сектор региональной экономики[6].

---

[2] Наливкин В.П., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого населения Ферганы. Казань, 1886; его же: Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886; его же: Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913 и др.

[3] Остроумов Н.П. Исторический очерк народного образования в городах и укреплениях бывшей Сыр-дарьинской линии и Туркестанской области с 1800 по 1867 год. Ташкент, 1881; его же: Исторический опыт взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб., 1888; его же: Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестане // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Февраль.

[4] См. напр.: Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Соч. в 9 томах. Т. 2, ч.1. М., 1963; его же: История Туркестана (конспект лекций) // Соч.в 9 томах. Т.2, ч.1. М., 1963; его же: История культурной жизни Туркестана // Соч. в 9 томах. - Т. 2, ч.1. М., 1963; его же: Туземец о русском завоевании // Соч. в 9 томах. Т. 2. Ч. 2. М., 1964; и др.

[5] См.: Бродовский М.И. Технические производства в Туркестанском крае. СПб., Гейер И.И. Туркестан. Ташкент, 1909; Глуховский А.И. Торговые отношения России со Средней Азией // Биржевые ведомости. 1869. № 106, 107, 115, 163, 196 // Туркестанский сборник. Т. 26; Заорская В.В., Александер К.А. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915; Иванов Д.Л. Нефтяные источники Ферганской области. Ташкент, 1882; Малаховский Н.И. Производительные силы Туркестанского края. Вып.1. СПб., 1909; Наливкин В. Заметки по вопросу о лесном хозяйстве в Фергане // Туркестанские ведомости. 1883, № 16; Небольсин П. Очерки торговли России со странами Средней Азии. СПб, 1856; О фабриках и заводах в Семиреченской области // Русский Туркестанский сборник. Вып.1. 1872; Оглоблин В.Н. Промышленность и торговля Туркестана. Из путевых заметок. М., 1914; Федоров М.П. Хлопководство в Средней Азии. СПб., 1898; Шавров Н.Н. О среднеазиатских породах шелковичного червя // Туркестанское сельское хозяйство. 1907. № 6-8; и др.

[6] См.: Агрономические работы 1909 года в Туркестане (Семиреченский район) // Средняя Азия. Ташкент, 1911. № 3; Александров Н.Н. Агрономическая помощь населению Туркестанского края // Сельское хозяйство. 1911. № 5; Донцов М. О нуждах сельского хозяйства Туркестанского края. // Туркестанское сельское хозяйство. 1911, № 10; Сельское хозяйство в Туркестане в 1895 году // Известия министерства земледелия и государственных имуществ. 1896, № 6-7; Съезды деятелей по сельскому хозяйству Туркестанского края. (1909-1911) Ташкент, 1912.

Историографический обзор подтверждает, что важным каналом приобщения мусульман к передовым формам цивилизации стало переселение в Туркестан русских людей, через деятельность которых роль России в исторических судьбах коренных народов Средней Азии получила наиболее очевидное выражение. Об этом свидетельствуют в своих работах Андриевский А., Велецкий С.Н., Вощинин В., Гаврилов Н., Гейер И.И., Дингельштедт Н., Кауфман А.А., Лыкошин Н.С., Половцов А.А., Румянцев П., Трегубов А.Л., Шкапский О.А., Яшнов Е. и др.

Вопросы здравоохранения в Средней Азии нашли ограниченную рефлексию в дореволюционной отечественной историографии. Заслуживают внимания труды военного врача И.Л. Яворского. Проблеме региональной медицины была посвящены работы Андреева, В. Вышпольского, В.И. Кушелевского. О прокаженных в Туркестане писал Н.С. Лыкошин.

Формирование советской историографии Русского Туркестана не было однозначным процессом. В первое время она вдохновлялась рекомендациями большевистского руководства, считавшего, что «царское правительство стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного «обрусения» нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»[7]. Соответственно, историки в сталинский период (Ванаг Н.Н., Кастельская З.Д., Кушева Е.Н., Рабинович М., Штейнберг Е.Л., Вяткин М.П., Бунаков Е.В. и др.) активно отстаивали этот тезис. В последующем подходы к истории политики России в Средней Азии стали меняться. Сохраняя тезис об эксплуататорской политике царизма, советская историография стала писать не о завоевании Средней Азии, а о её присоединении к России, подчеркивая прогрессивное значение процесса[8].

Несмотря на идеологические постулаты, советские туркестановеды внесли существенный вклад в изучение российско-среднеазиатских отношений в дореволюционный период. Например, в трудах советского востоковеда Н.А. Халфина присутствовал «классовый подход», однако он не заслонял их действительное объективное содержание. Среди работ российских авторов 1960-1980 гг. о Средней Азии следует выделить труды С.М. Абрамзона, Н.Е. Бекмахановой, З.Д. Кастельской, Н.С. Киняпиной, А.П. Погребинского, С.П. Полякова, А.В. Пясковского, Т.С. Саидбаева, К.П. Тена и др. В советский период тему цивилизационной роли России в дореволюционной Средней Азии активно развивали историки союзных

---

[7] Краткий курс истории ВКП (б). М., 1938. С. 6.

[8] См.: Брагинский И.С., Раджабов С., Ромодин В.А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России // Вопросы истории. 1953. № 8; Гафуров Б. История таджикского народа в кратком изложении. Сталинабад, 1949; Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М., 1958; История Казахской СССР с древнейших времен до наших дней. Алма-Ата, 1949; История народов Узбекистана. В 2-х томах. Ташкент, 1947; Непомнин В.Я. Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России // Известия АН Узбекской ССР. 1954. № 1; Турсунбаев А. Роль русского народа в социалистическом преобразовании Казахстана // Вестник АН Казахской ССР. 1947. № 1-2; Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России // Коммунист Казахстана. 1954. № 8 и др.

республик региона, считавшие ее судьбоносной[9]. К сожалению, советская историография мало писала об экономическом сотрудничестве царской России и Средней Азии. Не были в должной мере широко и глубоко изучены проблемы народного образования и культуры в дореволюционном Туркестане, хотя некоторые исследователи старались затронуть такую тематику. Немногочисленной оказалась и советская литература о переселении русских людей в регион[10].

С распадом СССР интерес российской историографии к рассматриваемой диссертационной проблеме снизился, но не угас. Частично вопросы политики царской России в Туркестане затрагивались в коллективной монографии в 1997 г.[11] Через десятилетие опыт был повторен, но уже применительно к исследуемому региону[12]. Кроме коллективных изданий, большой вклад в изучение истории Средней Азии внесли труды П.П. Литвинова, С.Н. Абашина, Т.В. Котюковой и др. Таким образом, туркестановедение в постсоветской России продолжает развиваться.

В национальных историографиях вопрос о мотивации политики центральных властей империи почти никогда не ставится просто потому, что зачастую на веру принимается стремление власти сделать жизнь своих нерусских подданных как можно более несносной. Проблемы взаимодействия с другими этническими группами в таких «исследованиях» неизбежно отодвигаются на второй план. Вместе с тем, характеризуя постсоветскую историографию стран «Центральной Азии» нельзя не отметить, что цивилизационную роль России в жизни народов дореволюционной Средней Азии достаточно позитивно расценивают многие историки Таджикистана (Имонов А., Масов Р., Мухторов А., Шозимов П. и др.). В таком же духе выступает большинство ученых современного Кыргызстана (Ажыбекова К.А., Курманов З.К., Болджурова И.С., Жумабаев

---

[9] Абдуллаев Ш.Ш., Зевелев А.И. В.И. Ленин и исторические судьбы народов Средней Азии. М., 1968; Аминов А.М., Бабаходжаев А.Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966; Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. Ташкент, 1985; Давлетов Д., Ильясов А. Присоединение Туркменистана к России. Ашхабад, 1972; Ефимов В.И. К вопросу о роли России в исторических судьбах народов Бухарского ханства // Труды Самаркандского университета. Новая серия. Вып. 101. Самарканд, 1960; Джамгерчинов Б.Д. Важный этап из истории киргизского народа. К столетию присоединения Киргизии к России. Фрунзе, 1957; его же: Присоединение Киргизии к России. М., 1959; его же: Добровольное вхождение Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; его же: о прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1963; Из истории Средней Азии (дореволюционный период). Ташкент, 1965; Косбергенов Р. Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России. Нукус, 1973; Ленин В.И. О Средней Азии и Узбекистане. Ташкент, 1957; Навеки вместе: к 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982; Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России. Сб. статей. Ч. 1-2. Ташкент, 1970; Усенбаев К. Присоединение Южной Киргизии к России. Фрунзе, 1960; Хасанов А. Экономические и политические связи Киргизии с Россией. Фрунзе, 1960; Шоинбаев Т. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1973 и др.

[10] См.: Брусина О.И. Миграции в Центральную Азию // Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 210-233; Гинзбург А.И. Переселенческий вопрос в Туркестане (конец XIX – начало XX в.). Ташкент, 1966; Каганович А. Некоторые проблемы царской колонизации Туркестана // Центральная Азия. 1997. № 5 (11); Тихонов Б.В. Переселенческая политика царского правительства // История СССР. 1977. № 1; Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950; Фомченко А.П. Русские поселки в Туркестанском крае в конце XIX – начале XX в. Ташкент, 1983 и др.

[11] См.: Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М.1997.

[12] Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008.

Б.М., Осмонов О. Дж., Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д., Усенбаев К., Яншин В.П. и др.).

Историографический раздел представится неполным без обзора зарубежной исторической литературы о Средней Азии. Так некоторые зарубежные исследователи (Bacon E.E., D'Encausse H.K., Esserton P.T., Habberton William, Krauder L, Mackenzie David и др.) считали, что как царский, так и большевистский режимы в Средней Азии были одинаково чужды ее коренному населению, что независимо от режима – царистского или коммунистического – народы Туркестана всегда находились в угнетенном положении, а сама их жизнь зависела от поучающих окриков из России. Они утверждали, что и без царского и советского режимов, оставшись в независимости, народы Средней Азии достигли бы в своем развитии не меньших успехов.

В целом дореволюционная зарубежная историография отчасти признавала позитивный характер присоединения Средней Азии к России. В советский период она оценивала его сходным образом, но применительно к дореволюционному времени. Новейшая иностранная литература вносит небольшой вклад в туркестановедение, представляя собой компиляции из трудов дореволюционного, советского и постсоветского периодов и мнений политически ангажированных историков стран «Центральной Азии».

Таким образом, всесторонний анализ научных публикаций, прямо или косвенно затрагивающих проблему диссертационного исследования, показал, что историография темы оказалась достаточно богатой и обширной, однако работ, специально ее исследующих, фактически нет. Это дает возможность западным и политически ангажированным историкам в постсоветских странах «Центральной Азии» произвольно искажать значение российского присутствия в дореволюционном Туркестане. Таким псевдоисторическим поползновениям необходимо давать отпор, но на строго научной основе.

В *параграфе 1.3. – «Источниковедческий анализ проблемы»* автор дает характеристику различным источникам, использованным им в процессе исследования. Доминирующую роль сыграли нормативно-правовые акты, так как именно они формировали цивилизационную политику царской России в Средней Азии и реально отражали интересы российской Империи. В данном исследовании использовались нормативно-правовые документы, почерпнутые из Полного собрания законов Российской империи (1649-1913 гг.) и Свода законов Российской империи изданий разных лет.

Следующими по своему значению для исследования выступили архивные материалы, которые имеют вспомогательный характер, что никак не умаляет их научной полезности, так как проработка любых нормативно-правовых актов, относящихся к Русскому Туркестану, осуществлялась в соответствующих министерствах и ведомствах и это находило обязательное отражение в их архивных документах. Они помогают узнать о том, какой позиции придерживалось то или иное министерство и ведомство по проблемам региона, поскольку, например, очень часто против мероприятий военного ведомства в Русском Туркестане выступало Министерство

внутренних дел, желавшее поставить его под свой контроль. Автор изучил документы из фондов российских и «центральноазиатских» архивохранилищ.

Среди российских архивохранилищ нужные документы сосредоточены в основном в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), так как регион находился в ведении военного министерства. Но их можно обнаружить и в Государственной архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и в др. Наиболее ценными материалами располагает Центральный государственный архив Узбекистана, так как именно в Ташкенте находился центр Русского Туркестана. Материалы о Семиреченской области отложились в фондах Центрального государственного архива Казахстана. Документы по Закаспийской области хранятся в Центральном государственном архиве Туркменистана, но в ограниченном количестве, так как его фонды были на 75-80 % разграблены в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. Утраченные документы восполнялись материалами российских архивов. В Центральном государственном архиве Кыргызстана отложилось немного документов по изучаемой теме.

В качестве источников в исследовании выступили разного рода путеводители, справочные и статистические издания[13]. Особую значимость представило знакомство с обзорами областей Русского Туркестана[14]. Но и в них публиковалась не всегда полная и точная информация, что автор установил путем сличения их данных со сведениями документов из фондов среднеазиатских архивов. То же можно сказать и о материалах правительственных ревизий Туркестанского края. Отчеты сенаторских ревизий Ф.К. Гирса 1882-1883 гг. и К.К. Палена 1908-1909 гг. во многих местах были «прилизаны» в соответствии с настроениями имперских «верхов». Некоторые направления деятельности туркестанской администрации вообще не получили в них должного отражения – например, медицинское дело. Для исследователя оказалось весьма полезным ознакомиться с материалами многотомного «Туркестанского сборника», в котором собраны сведения по разной тематике из российских и зарубежных газет и журналов, книг и прочих печатных изданий, посвященных Средней Азии[15]. Представили интерес для работы публикации официальных документов – разного рода отчетов, проектов, записок и т. д. Кроме того,

---

[13] См.: Гейер И.И. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901; Любимов П.П. Религии и вероисповедный состав населения Азиатской России. Пг.,1914; Материалы для статистики Туркестанского края. Вып.I-V. Спб., 1872-1879; Материалы для статистического описания Ферганской области. Нов. Маргилан. Сборник материалов для статистики Сыр-дарьинской области. Ташкент; Справочная книжка Самаркандской области. Самарканд; Статистический обзор Ферганской области. Скобелев, 1911, 1914; Труды Сыр-дарьинского областного статистического комитета. Ташкент. Эварницкий Д.И. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях. Ташкент,1893 и др.

[14] См.: Обзоры Сыр-дарьинской области. Ташкент. 1886-1913; Обзоры Семиреченской области. Верный, 1883-1915; Обзоры Закаспийской области. Асхабад. 1882-1914; Обзоры Самаркандской области. Самарканд. 1887-1910; Обзоры Ферганской области. Новый Маргилан, Скобелев, 1884-1913.

[15] См.: Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанского края в особенности. Тома 1-594. Сост. В.И. Межов. Тома 1-416, Н.В. Дмитровский. Тома 417-543, А. Семенов. Тома 544-591, Е.К. Бетгер. Тома 592-594.

использовались сборники различных документов, изданных в дореволюционный и в советский периоды.

В качестве ценных источников выступили газеты, преимущественно туркестанские: Туркестанские ведомости (1870-1917); Семиреченские областные ведомости (1884-1917); Ферганские областные ведомости (1907-1915); Закаспийское обозрение (1895-1913); Асхабад (1899-1918); Русская окраина (1905-1908): Туркестанский курьер (1908-1917); Русский Туркестан (1898-1907;1911); Среднеазиатская жизнь (1905-1908); Туркестанская туземная газета (Туркистон вилоятининг газети) (1870-1916); Туркестанские епархиальные ведомости (1907-1917) и др. Однако автор не оставил без внимания и публикации о Русском Туркестане в центральной российской прессе: Новое время, Биржевые ведомости, Московские ведомости, Русские ведомости, Свет, Петербургский листок, Русское дело, Русский инвалид, Русское чтение и др.

В завершении параграфа автор делает вывод о том, что в основу исследования положена солидная источниковая база. Она разнообразна в структурном отношении и многие источники впервые вводятся в научный оборот, что позволило в максимальной мере широко охватить тот круг проблем, которые представили интерес для диссертационной работы.

Вторая глава «Административно-судебные и охранительные функции царской власти в Русском Туркестане» состоит из двух параграфов.

В *параграфе 2.1. – «Административно-судебная политика царизма в регионе»* автор, ссылаясь на нормативные акты доказательно утверждает, что в Средней Азии царизм применил модель «военно-народного управления», которая к тому времени изжила себя в подавляющем большинстве краев, губерний и областей Российской империи, но оправдала себя на ее окраинах. В крае, где мусульмане составляли абсолютное большинство населения (почти 95%) не испытавшего, в отличие от его единоверцев в России, никакого позитивного влияния европейской цивилизации, нельзя было управлять при помощи, утвердившейся в стране административно-полицейской системы. «Военно-народное» управление как слитность военной и гражданской власти позволяло оперативно решать все насущные проблемы Русского Туркестана. При этом оно не было милитаристским. В регионе не было засилья «военщины», функционировали учреждения гражданского управления как филиалы центральных министерств и ведомств, органы «туземной администрации», объекты религиозного культа и др. Принципы такого управления в Туркестане были закреплены правительственными актами. Его смысл заключался в нераздельности военной и гражданской власти в руках царских администраторов, выборности «туземной» администрации и суда. Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман признавал, что это несложное устройство управления вполне соответствовало тогдашним потребностям и власти, и населения. Вместе с тем, он отмечал и его слабые стороны.

«Военно-народное управление» было наиболее приемлемо для региона с исключительно мусульманским населением и отвечало военно-стратегическим интересам царизма в Средней Азии. Его важным компонентом была система «туземного» самоуправления, представители которого избирались коренным населением. Выборы должны были проходить в присутствии представителей русской власти, которые, однако, не имели права вмешиваться в электоральный процесс. На все должности «туземного» самоуправления в крае могли выдвигаться только проверенные люди. Их содержание осуществлялось за счет местного населения. Во время выборов лиц местного самоуправления шла острая борьба между различными группировками коренного населения. Безусловно, общественное самоуправление «туземного» населения охватывало не только сельские поселения Туркестанского края, но и городские. Так в 1877 г. в Ташкенте было введено «Городовое положение» и в городской Думе заседали депутаты как от русского, так и от «туземного» населения.

Туркестанские власти – краевая, областные и уездные имели большие полномочия по отношению к органам «туземного» самоуправления, однако ограниченные. Так, например, упразднение должностей «туземной» администрации в Туркестанском крае не было прерогативой местной власти. Для этого нужно было решение на «высочайшем» уровне. Только в 1904 г. туркестанский генерал-губернатор получил право устанавливать границы волостей и образовывать в них общественное самоуправление. Лишь в 1913 г. туркестанские власти получили право переселять кочевников-избирателей из волости одного уезда в другой. Право перечисления волостей и участков Туркестанского генерал-губернаторства из одного уезда в другой так и осталось до конца за «высочайшей» властью.

Диссертант указывает на то, что важнейшим каналом связи туркестанской «военно-народной» администрации с «туземными» институтами было ее взаимодействие с традиционными судами населения Средней Азии. Российская власть изначально сохранила для оседлых жителей региона суд по мусульманскому праву (шариату), а для кочевников – суд по обычному праву (адату). Шариатские судьи – казии и кочевые – бии избирались на основании тех же принципов, что волостные, сельские и городские старшины. Их выборы тоже сопровождались острой борьбой между «партиями» местного населения. Представителям власти вменялось присутствие на выборах, но без права вмешательства в процесс. «Туркестанское положение» 1886 г. ввело прокурорский надзор в крае, распространявшийся и на суды коренного населения. Введение в 1898 г. в Средней Азии Судебных уставов 1864 г. мало повлияло на судебную политику царизм в регионе.

Установление царской власти в регионе ограничило традиционную юрисдикцию, из ведения которой были изъяты некоторые производства, отнесенные законодателем к компетенции судов по российским гражданским и военным законам. Поскольку казии и бии часто принимали несправедливые решения, то туркестанские власти добились от государства закона, который

позволял им отстранять от должностей судей, запятнавших себя «кривосудием». После Андижанского восстания 1898 г. он был принят. Цивилизационная деятельность царского правительства в Средней Азии не представляла собой целостного, проникнутого единой логикой процесса. Туркестанским властям предоставлялась известная независимость и самостоятельность в разрешении проблем административного управления, судопроизводства и охранительных мероприятий, но в строгих рамках государственного законодательства. В среднеазиатских ханствах царское правительство сохранило независимость и самостоятельность действий местных административных и судебных учреждений.

Автор подчеркивает, что сложившаяся в Русском Туркестане административно-судебная модель управления, зиждившаяся на сотрудничестве государственной администрации с органами «туземного» самоуправления и суда, несмотря на ее недостатки, в целом оправдала себя и соответствовала интересам сотрудничества царизма с коренным населением и его военно-стратегическим планам в регионе.

В *параграфе 2.2. – «Охранительные функции царской власти в Средней Азии»* автор указывает, что присоединение Средней Азии к России потребовало от царского правительства принятия комплекса мер по охране достигнутых рубежей.

В июле 1867 г. был образован Туркестанский военный округ. Одновременно было учреждено Семиреченское казачье войско в составе двух конных полков. Летом 1899 г. Туркестанский военный округ был разделен на два армейских корпуса с центрами: 1-го – в Ташкенте и 2-го – в Асхабаде. Они состояли из бригад и специализированных батальонов. Таким образом, в начале XX в. в войсках Туркестанского военного округа числилось 38 батальонов. Это составляло около 18-20 тыс. солдат и офицеров, которые представляли собой все вооруженные силы России в Средней Азии. Они исполняли сугубо оборонительные задачи и не могли силой «штыка» удерживать власть в Русском Туркестане. Поэтому охранительные функции исполняли специальные службы в регионе.

Диссертант приводит доказательства того, что значительную роль в охране военно-стратегических интересов России в Средней Азии сыграли контрразведывательные и разведывательные органы Туркестанского военного округа. Они повседневно, последовательно и целенаправленно вели борьбу против внешних противников России в Средней Азии. Это обстоятельство еще не получило должной научной рефлексии, в связи с чем автор подробно описывает их деятельность, что придает его исследованию значительную степень научной новизны. Единственной враждебной силой, представлявшей действительную опасность для российских военно-стратегических интересов в регионе, была британская разведка, располагавшая мощными материальными и людскими ресурсами. Она стремилась обложить позиции России в Средней Азии со всех сторон. Англичане активно привлекали к разведке представителей «туземного» населения, собиравших разнообразную информацию о положении в регионе.

Однако заглавную роль играли британские профессиональные разведчики – офицеры из спецслужб Британской Индии. Особенно активно английская разведка проявила себя во время «памирского кризиса» и именно ее данные позволили Лондону найти правильный выход из него.

Естественно, что, кроме англичан, известную разведывательную деятельность в Русском Туркестане проявляли афганцы, китайцы и персы (в Закаспийской области). Значительную активность проявляла в регионе турецкая разведка. Однако шпионаж Афганистана, Китая, Персии и Турции в Средней Азии не имел британского фронтального размаха и профессионализма. В начале XX в. усилилось проникновение в Среднюю и Центральную Азию агентуры германской разведки. Ее работа одинаково беспокоила и Россию, и Англию, поскольку в этот период уже складывались союзнические блоки перед первой мировой войной. Российская военная контрразведка действовала весьма успешно, но достаточно умеренно и осторожно. Британские агенты, особенно офицеры-разведчики, будучи изобличенными, не подвергались заключению, а выдворялись за пределы России. Что касается агентуры прочих стран, то отношение к ее представителям было различным, но в целом тоже терпимым. Осуждению и тюремному заключению подвергались только те, кто осуществлял преступную деятельность, а все другие, чаще всего, просто высылались из Русского Туркестана. В ряде случае отловленных зарубежных шпионов подвергали ссылке в отдаленные северные районы империи.

Автор подробно рассматривает вопрос о значении для Русского Туркестана деятельности российской разведки, которая была не только военной. В регионе функционировали разведывательные органы гражданских ведомств – министерства иностранных дел и таможенных служб министерства финансов. Военная разведка главным образом сосредоточивалась в Штабе Туркестанского военного округа, где функционировало специальное – IV (разведывательное) отделение. Однако центр тяжести в работе российской военной разведки в Туркестане, безусловно, смещался в сторону профессиональных военных разведчиков, как правило, офицеров, причисленных к Генеральному штабу. Сферу их деятельности составляли сопредельные страны – Китай (Восточный Туркестан), Афганистан, Персия, а также северо-западные провинции Британской Индии, включая и английские протектораты в регионе.

Значительное место в системе военной разведки в Туркестане занимала разведка Памирского отряда – форпоста российской цивилизации в регионе. Ее агентами были преимущественно «туземцы». Большой вклад в получение разведывательной информации вносили соответствующие органы 7-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи, подчиненного министерству финансов. Что касается разведывательной деятельности учреждений министерства иностранных дел в Туркестане, то она была тоже достаточно обширной и профессиональной. Основная нагрузка в этом отношении ложилась на Генеральное консульство в Кашгаре, престиж которого сумел высоко поднять российский дипломат Н.Ф. Петровский. Для упрочения

связей между российским консульством в Кашгаре и военной разведкой Штаба Туркестанского округа при этом дипломатическом представительстве в Китайском Туркестане в течение несколько лет работал специальный офицер Генерального штаба. Очень полезной информацией снабжала министерство иностранных дел и Штаб ТуркВО разведка российского Политического агентства в Бухаре.

Диссертант обращает внимание на то, что кроме войск Туркестанского военного округа, порядок и спокойствие в регионе поддерживала полиция, которая подчинялась военному министерству. Осенью 1907 г. в крае была учреждена политическая полиция – «охранка», подчиненная МВД. Политический сыск активно боролся не только с революционными организациями, но и с внутренними недругами российской власти в Туркестане – мусульманскими экстремистами, панисламистами, пантюркистами и проч.

Глубокое изучение документов и материалов позволяет автору утверждать, что охранительные функции царской администрации в Русском Туркестане были направлены на упрочение российского присутствия в регионе и имели достаточно надежное обеспечение в виде совокупной деятельности армии, «военной» полиции, «охранки», разведывательного и контрразведывательного подразделений Штаба Туркестанского военного округа, а также соответствующих служб Отдельного корпуса пограничной стражи и Министерства иностранных дел. На протяжении полувека они обеспечивали устои царской власти в Средней Азии, обеспечивали в ней мир и безопасность, необходимые для спокойной жизни и созидательного труда всего населения региона.

Третья глава «Экономическая политика царского правительства в Средней Азии» включает два параграфа.

В *параграфе 3.1. – «Торгово-экономические связи царской России и Средней Азии»* автор указывает, что главной причиной присоединения Средней Азии к Российской империи послужил экономический фактор. Вместе с тем, он приводит и другие соображения по этому поводу.

Диссертант считает, что среди экономических форм взаимоотношений России и Средней Азии важнейшими изначально выступали торговые связи. Существенным стимулом в укреплении торгово-экономических контактов России с регионом стало основание Оренбурга, который стал главным торговым центром на туркестанском направлении. Именно сюда приходило большинство торговых караванов из Средней Азии. Главным образом, из Оренбурга они уходили в сторону Бухарского, Кокандского и Хивинского ханств.

Российское правительство изначально проводило протекционистскую политику по отношению к торговле со Средней Азией. Диссертант приводит доказательные тому примеры. В первой половине XIX в. эта тенденция росла и совершенствовалась. В начале второй половины указанного века протекционистский курс продолжался. Так, в целях усиления развития торговли со Средней Азии правительство проводило ослабленную

карантинную политику, а в 1854 г. освободило торговые караваны из этого региона даже от наружного медицинского осмотра. В 1859 г. император Александр II издал указ об освобождении бухарских купцов от уплаты отпускной пошлины и карантинного сбора. Диссертант подробно рассматривает вопрос о развитии торговли Средней Азии с Сибирью, сложившейся еще до присоединения последней к России. Царское правительство поощряло ее, так как она была выгодна для страны.

В диссертации доказательно свидетельствуется о том, что до присоединения Средней Азии к России торговля между ними была более выгодна туркестанским купцам и приносила им больше прибыли, особенно за счет сбыта хлопка, востребованного растущей российской текстильной промышленностью. Вместе с тем, нет оснований говорить о ее «хлопковой» зависимости от Средней Азии, так как даже в начале XX в. половина такого сырья ввозилась в Россию из-за рубежа – Египта, Британской Индии, США и др. стран.

После присоединения региона к Российской империи характер торговли с ней, разумеется, изменился, так как она подпала под регулирование царским законодательством. В частности, в Русском Туркестане была установлена система получения «туземными» купцами и предпринимателями свидетельств на право торговли и промыслов. Была введена единая система мер и весов. Однако условия торговли со среднеазиатскими ханствами регулировались договорами с ними и во многом сохраняли прежний льготный характер. В регионе были введены торговые сборы, но по ряду товаров пошлины были отменены. В целом, в регионе контроль над торговлей осуществлялся российскими таможенными учреждениями, действовавшими позже и в среднеазиатских ханствах. В диссертации подробно рассматривается вопрос о деятельности Туркестанского таможенного округа. В 1894 г. был издан закон, включивший Бухарское ханство в единую российскую таможенную систему, что упростило торговые операции среднеазиатских купцов. Для торговцев из Хивинского ханства тоже сохранялся льготный режим.

Диссертант указывает на то, что в октябре 1905 г. было учреждено министерство торговли и промышленности, которое стало основным регулятором торговли в Русском Туркестане. К нему перешли соответствующие функции из Военного министерства, МВД, Главного управления мореплавания и портов и др. Однако в Туркестанском крае, где действовало правительственное «Положение» 1886 г., торговая деятельность во многом регулировалась местными военными властями, учитывающими региональную специфику в торговых операциях и имевших реальное влияние в среднеазиатских ханствах – Бухарском и Хивинском.

В результате проведенного анализа автор отмечает, что торгово-экономические связи царской России со Средней Азией имели достаточно глубокую историю. Они развивались на одном пространстве Евразии, где обе стороны процесса близко соседствовали друг с другом. Царское правительство было заинтересовано в развитии торговли с Туркестаном и

обеспечивало ее многими льготами. С присоединением Средней Азии к России торгово-экономические связи получили дополнительные импульсы развития и составили канву цивилизационного взаимодействия между ними.

В *параграфе 3.2. – «Индустриальное и аграрное развитие в Русском Туркестане»* диссертант констатирует, что до прихода России в Среднюю Азию экономика региона была крайне отсталой. Присоединение региона к царской империи не могло сразу же вызвать быстрые изменения в его экономической жизни. Правительство относилось осторожно к традиционным формам хозяйственного бытия «туземцев» и не вмешивалось в него. Однако экономический прогресс, привнесенный Россией, со временем ломал многовековые стереотипы.

Важнейшим условием экономической модернизации Средней Азии стало появление здесь российских железных дорог, обеспечивших скорую и объемную перевозку людей и грузов. Автор подробно пишет об их истории. Магистрали послужили толчком к преобразованию натурального хозяйства в товарно-денежное, приобщению региона к российской капиталистической экономике. На их сооружение Россия потратила свыше 400 млн. руб. К 1917 г. протяженность железнодорожных линий в Туркестане составляла 5284,5 км. Они стимулировали развитие хлопководства в Средней Азии. Повсеместно выросли посевные площади, увеличились объемы производимого хлопка, большинство которого отправлялось в Россию.

Диссертант впервые, ссылаясь на нормативно-правовые акты, подробно пишет о предоставление земель под железнодорожное строительство в регионе. Буржуазная историография говорила о том, что эти земли захватывались царским правительством, без согласия коренного населения Средней Азии, то есть наносило удар по коренным основам его традиционной цивилизации. Законодательные документы доказательно свидетельствуют о том, что изъятие земель под строительство железных дорог в царской России осуществлялось только на основании «именных» царских указов, которые позволяли с «высочайшего соизволения» отчуждать частновладельческие имения в государственных интересах, но с материальным возмещением изъятого из казны.

Диссертант обращает внимание на то, что проведение железных дорог в Средней Азии стимулировало развитие не только аграрного сектора в ее экономике, но и фабрично-заводской промышленности, занимавшейся первичной обработкой сырья. Строились хлопкоочистительные заводы и маслобойные предприятия, расширялась нефтедобыча, угледобыча, добыча соли, производство серы, золота, меди, о развивались кожевенная, мыловаренная, мукомольная, винодельческая и др. промышленности. С конца 1870-х гг. до 1911 г. общий размер добычи угля в крае возрос с 400 тыс. пудов до 3,5 млн. пудов. Крупнейший нефтепромысел Туркестана, принадлежавший обществу «Чимион», давал в начале XX в. около 3 млн. пудов нефти в год, обслуживая исключительно нужды железных дорог. Оно же имело единственный в Средней Азии нефтезавод. Разработка полезных ископаемых – свинца, меди и других была менее успешной. Автор подробно

изъясняет причины этого обстоятельства. Он отмечает большую роль российских акционерных предприятий в экономическом развитии Туркестана, подкрепляя ее ссылками на многие законодательные акты об их деятельности. Таким образом, хозяйственная модернизация Средней Азии приносила реальные позитивные плоды.

Вместе с тем, несмотря на заметные сдвиги в индустриальном развитии, в целом Средняя Азия оставалась средоточием традиционной аграрной цивилизации, основным сектором которой оставалось земледелие. В известной мере, сельское хозяйство было «монокультурным», то есть сориентированным на производство хлопка, в котором остро нуждалась местная и российская текстильная промышленность. Торговые обороты хлопка постоянно росли. Главным условием аграрного развития было орошение посевных площадей и целинных земель. В областях Русского Туркестана создавались «особые ирригационные капиталы». Государство выделяло большие средства на орошение Голодной степи. В этом участвовал и частный капитал. Автор подробно описывает правительственные меры на ирригационном направлении, а также их законодательное обеспечение.

Российское правительство поддерживало и отрасли сельского хозяйства, не связанные с ирригационными мероприятиями. Диссертант подробно пишет о том, как оно защищало интересы шелководства в Русском Туркестане. В Средней Азии появились шелководческие станции и школы, изучался зарубежный опыт шелководства. В начале XX в. население Туркестана получало ежегодно около 4 млн. руб. прибыли от шелководства. Российское правительство законодательно поддерживало развитие виноградарства, выращивание злаков, огородничество, рыболовство и другие направления сельского хозяйства. Для проведения научных селекционных работ учреждались сельские опытные станции. Государственная помощь в развитии сельского хозяйства в Средней Азии проявлялась и в защите его от стихийных бедствий и эпидемий. Так, в 1876 г. на регион был распространен закон о мерах предупреждения и прекращения чумы на рогатом скоте. Правительство выделяло значительные суммы на борьбу с саранчой и другими сельскохозяйственными вредителями.

Приведенные в исследовании документы и материалы позволяют автору утверждать, что присоединение Средней Азии к России форсировало экономическое развитие региона. Были построены железные дороги, появились первые капиталистические промышленные предприятия, разрабатывались сырьевые источники, был установлен государственный надзор и контроль над природными ресурсами, развивалось сельское хозяйство, особенно в сфере хлопководства. Представляется очевидным, что ускорение экономического развития региона при русской власти явилось главным условием цивилизационной модернизации жизни коренного населения дореволюционной Средней Азии.

Четвертая глава «Социальная политика Российского государства в Средней Азии второй половины XIX – начала XX вв.» состоит из двух параграфов.

В *параграфе 4.1. – «Мероприятия русской власти в сфере здравоохранения в регионе»* диссертант отмечает, что в дороссийский период в регионе не было организованной профессиональной государственной медицины. Существовал ее народный вариант, который, однако, был бессилен перед серьезными заболеваниями и эпидемиями, постоянно посещавшими Туркестан.

Автор раскрывает цивилизационную политику царской России в сфере здравоохранения коренного населения Средней Азии исключительно на основе соответствующих нормативно-правовых актов, что делает изложение бесспорно доказательным. Он отмечает, что после образования Туркестанской области и одноименного генерал-губернаторства (края) здесь утвердилась система здравоохранения, полностью подчиненная Военному министерству, и находилась в ведении Главного военно-медицинского управления. Ему же были подчинены и все врачебные учреждения сугубо гражданского профиля, и частнопрактикующие медики. Принципы функционирования системы здравоохранения в Средней Азии были закреплены в нормативно-правовых актах царского правительства.

Диссертант показывает, что система российского здравоохранения в Туркестане включала в себя военные госпитали, полугоспитали, «местные» лазареты, «приемные покои», фельдшерские пункты и проч. По закону, все они были обязаны оказывать медицинскую помощь «туземному» населению, включая и жителей региональных ханств. Часть лечебных учреждений финансировалась государством, а другая существовала за счет земских сборов и городских доходов. Лечение населения было платным, однако тарифы регулировались властью. Медицинское обслуживание «туземного» населения было, как правило, бесплатным, так как, чаще всего, оно финансировалось из земских средств городов, уездов и областей. Беднейшие слои коренного населения Русского Туркестана получали бесплатно медикаменты для лечения.

Автор отмечает, что основное число лечебных заведений в регионе концентрировалось в городах, однако учреждение городских врачей для обслуживания гражданского населения произошло только к концу XIX в. Сельское население долгое время обслуживалось медиками лечебных заведений при воинских подразделениях. Для оказания ему медицинской помощи при военно-медицинском управлении Туркестанского военного округа и областных (старших) врачах учреждались должности медиков «для командировок». Сельская врачебно-участковая часть в крае окончательно была создана лишь в начале XX в.

Несмотря на развитие сети лечебных заведений в Туркестанском крае, их остро не хватало для лечения больных, особенно среди «туземного» населения. В связи с этим туркестанскому генерал-губернатору было

разрешено открывать лечебницы типа «приемных покоев», причем, с количеством мест, превышающим установленные законом размеры.

Автор обращает внимание на то, что на протяжении всего периода присутствия царской власти в Средней Азии ею уделялось большое внимание «туземным» женщинам и детям. Постоянно росло число перинатальных пунктов. Учреждались специальные лечебницы-амбулатории для «туземных» женщин и детей. При них функционировали небольшие больницы-амбулатории. «Туземцам» оказывалась специализированная медицинская помощь – терапевтическая, психоневрологическая, офтальмологическая, хирургическая и др. Финансирование деятельности сельских лечебных заведений осуществлялось из земских сборов с населения, в большинстве своем «туземного». В городах они содержались за счет местных бюджетов.

В системе российского здравоохранения в Средней Азии, как подчеркивает диссертант, огромную роль играла борьба с эпидемическими заболеваниями, которые периодически поражали преимущественно «туземное» население, не соблюдавшее должных мер санитарии и гигиены. Меры русской власти по пресечению и подавлению эпидемий были жесткими, но гуманными, так как иначе нельзя было спасать людей от неминуемой гибели. Но они воспринимались в штыки мусульманским духовенством, которое провоцировало людей на восстания против русской власти. В начале XX в. в Русском Туркестане было около 130 больниц, 200 врачей-мужчин, свыше 30 врачей-женщин и около 25 фармацевтов, а также много лиц среднего медперсонала. Однако в сфере здравоохранения в Средней Азии было немало недостатков, что, кстати, было характерно и для всей системы медицинского обслуживания в Российской империи.

Таким образом автор убедительно обосновывает вывод о том, что только с присоединением к России в Средней Азии появилась государственная система здравоохранения. Российские власти в Средней Азии добились неплохих результатов в сфере здравоохранения, выразившихся в эффективной работе медицинских учреждений и служб, а также в известном снижении эпидемических угроз в регионе. Было открыто множество лечебных заведений разного типа, обслуживавших и коренное население, в том числе женщин и детей. Успехи русских медиков сыграли большую роль в росте доверия «туземных» жителей к новой власти. Представляется неоспоримым и то обстоятельство, что она оказала большое цивилизационное воздействие на коренных жителей Туркестана, не исключая, разумеется, и населения среднеазиатских ханств.

В *параграфе 4.2. – «Политика царского правительства в сфере образования в Русском Туркестане»* автор указывает на то, что в дороссийский период в Средней Азии существовала развитая сеть мусульманских учебных заведений. Система образования была исключительно религиозной. В регионе не было ни одного светского учебного заведения. Самым значительным звеном религиозного образования в Туркестане были мектебы, которых насчитывалось свыше 7 тыс., что

составляло более 2/3 от всех учебных заведений такого типа в Российской империи. Уровень грамотности среди коренного населения Средней Азии в дороссийский период был низким – 1,5-2 %.

Диссертант отмечает, что даже крупный британский политик и русофоб Дж. Керзон признавал, что русский режим в Туркестане оставил нетронутыми все принципы и учреждения в традиционном мусульманском образовании. Российские власти действительно не вмешивались в учебно-воспитательный процесс мусульманских учебных заведений. Вместе с тем, царское правительство изначально полагало, что действительное приобщение «туземного» населения Туркестана к передовой русской цивилизации возможно только через привлечение его к разным типам русской школы. В связи с этим автор анализирует развитие в регионе системы российских образовательных учреждений.

Особое внимание царское правительство придавало учреждению в Средней Азии русско-туземных училищ, а для подготовки преподавательских кадров для них была образована Туркестанская Учительская семинария, на содержание которой выделялись специальные государственные средства. Русско-туземные школы были учреждены даже в среднеазиатских ханствах – Бухарском и Хивинском. Несмотря на свои недостатки, такие школы в Средней Азии привнесли немало полезного в дело цивилизационного преобразования региональной педагогики и менталитета «туземной» молодежи. Многие «туземцы» устремлялись в русско-туземные школы с тем, чтобы построить в будущем удачную карьеру на поприще государственной службы или работы в органах местного самоуправления.

Безусловно, российская система образования в Средней Азии устраивалась, прежде всего, для русского населения. Однако, как пишет диссертант, изначально царское правительство приветствовало привлечение к обучению в гимназиях, прогимназиях, разного типа училищах и проч. представителей «туземного» населения. Их было немного, но они все же присутствовали в них. Например, в Туркестанской Учительской семинарии треть учащихся составляли «туземцы».

Важным звеном в обучении детей «туземцев» были городские училища. В законе от 31 мая 1872 г. указывалось, что «дети инородцев принимаются в городские училища до 14-летнего возраста без всякого испытания». Особенный интерес представители «туземной» молодежи проявляли к обучению в специализированных училищах – технических, железнодорожных, сельскохозяйственных, ирригационных (гидротехнических) и др. «Туземная» молодежь привлекалась также к обучению в профессионально-технических училищах. В 1906 году число русских учебных заведений в Туркестане составляло 423 с 30 326 учащимися. Из этого количества учащихся мальчиков коренной национальности было 20%, а девочек насчитывалось всего 35-40 человек.

Автор обращает внимание на организацию женского образования в регионе. Он указывает, что российское государство не упускало из внимания проблемы женского образования в Средней Азии. В регионе существовали

женские мусульманские школы – «атун-биби». В российских учебных заведениях «туземных» девочек было мало. Так в 1883 г. в Ташкентской женской гимназии обучалось «10 девочек-мусульманок». Но основным направлением на этом поприще были «Мариинские» женские училища ведомства Министерства народного просвещения.

Диссертант впервые, ссылаясь на нормативно-правовые акты, подробно пишет о деятельности в Русском Туркестане детских приютов «ведомства императрицы Марии Александровны». Они функционировали не только в Ташкенте, но и фактически во всех областных и уездных центрах Русского Туркестана. Активное участие в призрении «туземного» детства принимала Русская Православная Церковь в Туркестане. Естественно, что «туземных» сирот с детства приучали к российским формам цивилизации.

Формально все учебные заведения в Средней Азии находились в ведении министерства народного просвещения, включая и здания, ими занимаемые. Вместе с тем, как подчеркивает автор, в управлении ими значительную роль играл туркестанский генерал-губернатор, выступавший в роли «попечителя» учебного округа. В его компетенции находилась и вся система «туземного» образования. Ей туркестанская администрация уделяла особое внимание. Сохранив традиционные устои мусульманской школы, царская власть осуществляла над ней государственный контроль в виде специальной инспекции.

В заключение автор подтверждает тезис о том, что царские власти сохранили в Туркестане традиционную систему мусульманского религиозного образования. Российские власти отнеслись к мусульманской школе терпимо, не вмешивались в ее внутренние дела. Они пытались привлечь мусульманских детей в школы русского типа, но эти намерения имели ограниченные результаты. Есть основания утверждать, что социальная политика царской власти в Русском Туркестане отличалась искренним гуманистическим содержанием и имела большие цивилизационные последствия, но проявившиеся только в будущем.

Пятая глава «Переселенческая политика царизма в Средней Азии» включает в себя два параграфа. В *параграфе 5.1. – «Нормативно-правовое регулирование переселения в регион»* диссертант отмечает, что нормативно-правовое регулирование переселения в Туркестан началось еще до присоединения этого региона к Российской империи.

Автор подчеркивает, что присоединение Средней Азии к Российской империи не стало побудительным мотивом к организации массового переселения русских людей на территории региона, так как правительство не желало иметь конфликты с только что «замиренным» местным населением по земельному вопросу и не интересовалось колонизационными возможностями региона. Вместе с тем, численность русского населения в Туркестане постепенно росла. Автор подробно характеризует государственное регулирование переселенческого процесса в 1867-1883 г., отмечая, что имела место и достаточно многолюдная самовольная миграция. Он указывает, что «в течение последующих 20 лет, когда в Среднюю Азию

хлынул поток крестьянской бедноты, Туркестанский край официально был закрыт для переселения». Поэтому «Туркестанское положение» 1886 г. не содержало никаких установлений о свободном переселении в регион. Миграции россиян в Среднюю Азию осуществлялись только на основании разрешений, которые военное министерство периодически получало от царя и правительства. В конце 1880-х гг. в связи с обострением земельных отношений в русской деревне возникла необходимость интенсификации переселения недовольных слоев крестьянства на свободные государственные земли в восточных регионах империи. Относительно Русского Туркестана в 1889 г. был принят закон о разрешении переселения только в Семиречье. Мощные потоки самовольного переселения из российских губерний в Русский Туркестан в голодные 1891-1892 годы вызвал обострение аграрного вопроса. Например, в 1892 г. Военное министерство с трудом смогло расселило 468 русских семейств в Закаспийской области.

С открытием Туркестана для массового переселения русских крестьян и мещан из других регионов империи после принятия в 1903 г. закона об условиях переселения в Среднюю Азию, усилился рост напряженности в земельных отношениях между переселенцами и кочевым населением, особенно в Семиречье. Диссертант указывает, что в правовом регулировании переселенческого процесса царскому правительству так и не удалось достичь баланса интересов российских мигрантов и представителей «туземного» населения. Несмотря на то, что во всех законодательных актах о переселении и образовании переселенческих организаций неизменно подчеркивалась необходимость учета традиций землепользования и интересов коренного оседлого и кочевого населения, они не всегда учитывались, порождая конфликты с «туземными» землевладельцами. Это особенно усилилось во время массового переселения, порожденного столыпинской аграрной реформой 1906 г.

Рассмотрев нормативно-правовые основы переселения, автор делает вывод, что переселенческая политика царского правительства в Русском Туркестане диктовалась малоземельем во внутренних регионах страны. Посредством переселения царизм стремился создать прочную опору своей власти в Средней Азии в лице христианского населения. В связи с этим большое историческое значение имел Закон от 10 июня 1903 г. об условиях переселения. Нормативно-правовые акты по переселению регулировали предоставление мигрантам земель и льгот, однако они затрагивали интересы коренного населения, чем осложняли процесс межцивилизационного взаимодействия между переселенцами и аборигенами Средней Азии. Но еще больше он осложнялся неконтролируемыми самовольными миграциями.

В *параграфе 5.2. – «Переселение как канал межцивилизационного взаимодействия в Русском Туркестане»* диссертант *отмечает*, что переселенческий вопрос был всегда в центре внимания царизма. Переселением части русских и украинских крестьян в новые владения царское самодержавие преследовало цель смягчить остроту аграрных противоречий в центральной части империи, создать в Туркестане

значительный слой колонизаторов из «крепких» зажиточных хозяйств, использовать природные и людские ресурсы в целях укрепления величия империи.

Автор обращает внимание на то, что важным компонентом межцивилизационного взаимодействия явилось усиление межрелигиозных связей мусульманства с христианскими конфессиями, поскольку только их адепты допускались к переселению в регион, не исключая и некоторых представителей сектантства. Царское правительство не допускало в Средней Азии православного и иного христианского миссионерства, а также насильственной русификации «туземного» населения. Вместе с тем, религиозно-нравственные качества переселенцев, в том числе семиреченских казаков, не удовлетворяли многих туркестанских администраторов, мнения которых по этому поводу приводятся в диссертации. Автор излагает позицию МВД – главного куратора всех неправославных конфессий России по поводу переселения «раскольников» – старообрядцев и сектантов в Среднюю Азию. Оно поддерживало стремление туркестанских властей привлечь в регион эту категорию русского населения, усматривая в ней более полезный колонизационный элемент, чем православные. Против заселения Средней Азии «раскольниками» – старообрядцами и сектантами активно выступала Туркестанская епархия Русской Православной Церкви.

Диссертант отмечает большое цивилизационное влияние переселенцев на кочевников Средней Азии, ускоривших процесс седентаризации в среде номадов, которые приобщались и к оседлому земледелию, усваивая от мигрантов новые сельскохозяйственные орудия труда, сельскохозяйственные культуры и навыки садоводства, огородничества и т.п. Влияние русских переселенцев сказывалось не только в сельском хозяйстве, но и в быту коренного населения, в освоении ими строительных приемов и ремесел.

Российская цивилизация повлияла на религиозную жизнь мусульман Туркестана, запретив судебные наказания за нарушения ими строгих шариатских установлений. Мусульманское духовенство и фанатичные верующие после этого обвиняли российскую власть в том, что часть коренного населения стала игнорировать нормы мусульманского права и вести порочный, с точки зрения религии Пророка, образ жизни. По мнению диссертанта, власть того не заслуживала, так как аморальные тенденции в замкнутом среднеазиатском социуме возникли задолго до появления России в Средней Азии и были сокрыты.

Диссертант утверждает, что процесс цивилизационного влияния был двусторонним и распространялся на российских переселенцев. Они тоже заимствовали многое из среднеазиатской цивилизации. Главным в процессе был, конечно, экономический фактор. Мигранты приобщались к неведомому ими ранее поливному земледелию, усваивали от коренного населения местные строительные навыки, новые сельскохозяйственные культуры и т.п. Общаясь с коренным населением, переселенцы участвовали в торжествах «туземцев», спортивных состязаниях, играх и охоте. Многие мигранты даже лечились у местных «табибов»-знахарей, брали у них листки с изречениями

из Корана, прикладывая их к больным местам или храня за пазухой. Среди переселенцев быстро распространился мусульманский обычай уплаты калыма. Имели место и случаи перехода российских женщин в ислам.

В заключение автор делает вывод о значении переселения и указывает, что оно стало действительным каналом межцивилизационного взаимодействия переселенцев и коренных жителей, которое носило обоюдовыгодный характер. Вместе с тем, не следует преувеличивать влияние переселенцев на местных жителей, считая его исключительно позитивным и односторонним. В общении между ними было немало и негативных явлений. Но в целом, несмотря на разного рода объективные и субъективные издержки, непростой по своему содержанию процесс межцивилизационного сотрудничества в дореволюционной Средней Азии носил позитивный характер.

В ***Заключении*** подводятся итоги и делаются выводы по изучению избранной темы исследования.

1. Диссертационное исследование выполнено на основе передовых достижений отечественной методологии исторического познания с привлечением солидной источниковой базы. Она разнообразна в структурном отношении и многие источники впервые вводятся в активный научный оборот.

2. Российское правительство на вновь присоединенных территориях старалось внедрять среди аборигенного населения новые формы жизни, сохраняя его традиционные порядки, не противоречившие гуманности и прогрессу и не препятствовала развитию национальной культуры. Нормативно-правовые государственные установления царского периода позволяют критически переосмыслить и противостоять псевдонаучным историческим работам, отрицающим позитивное значение российского присутствия в дореволюционном Туркестане и искажающим его роль в прогрессивных изменениях в жизни коренного населения региона.

3. Сложившаяся в Русском Туркестане административно-судебная модель управления, зиждившаяся на сотрудничестве государственной администрации с органами «туземного» самоуправления и суда, в целом, оправдала себя и соответствовала военно-стратегическим планам царизма и интересам коренного населения.

4. Охранительные функции царской администрации были направлены на упрочение российского присутствия в Средней Азии, обеспечение в ней мира и безопасности, спокойной жизни и созидательного труда населения региона. Для охраны государственных интересов царизм использовал силы Туркестанского военного округа, «военной» полиции, «охранки», подразделений Отдельного корпуса пограничной стражи и Министерства иностранных дел.

5. Торгово-экономические связи царской России со Средней Азией имели достаточно глубокую историю, получили дополнительные импульсы с ее присоединением к империи и составили канву цивилизационного взаимодействия между ними.

6. Ускорение экономического развития региона при русской власти явилось главным условием широкомасштабной модернизации основных сфер жизни коренного населения дореволюционной Средней Азии. Оно осуществлялось через железнодорожное строительство, развитие фабрично-заводской промышленности и сельского хозяйства.

7. Впервые в истории Среднеазиатского региона была образована достаточно развитая и эффективная система государственного здравоохранения (открыто множество лечебных заведений, организована борьба с эпидемическими заболеваниями и оспопрививание). Успехи русских медиков сыграли большую роль в росте доверия «туземных» жителей к новой власти.

8. Царские власти сохранили в Туркестане традиционную систему мусульманского образования, не вмешивались в ее внутренние дела и не проводили насильственной русификации. Попытки приобщить «туземную» молодежь к российским формам обучения имели ограниченные результаты, но они содержали в себе потенциал, раскрывшийся в советское время.

9. Переселенческая политика царского правительства в Русском Туркестане диктовалась малоземельем во внутренних регионах страны. Главная напряженность в отношениях между пришлым и коренным населением заключалась в земельной проблеме. Нормативно-правовые акты по переселению регулировали предоставление мигрантам земель и льгот, однако они затрагивали интересы коренного населения, чем осложняли процесс межцивилизационного взаимодействия между переселенцами и аборигенами Средней Азии. Но еще больше он осложнялся неконтролируемыми самовольными миграциями.

10. Посредством переселения царизм стремился создать прочную опору своей власти в Средней Азии в лице христианского населения. Царское правительство не допускало в регионе православного и иного христианского миссионерства и насильственной русификации «туземного» населения. Взаимодействие пришлого и коренного населения было обоюдным и взаимовыгодным. Поэтому, несмотря на разного рода объективные и субъективные издержки, непростой по своему содержанию процесс межцивилизационного сотрудничества в целом носил позитивный характер.

11. Результаты диссертационного исследования подтверждают, что цивилизационная политика царской России в Средней Азии положила начало широкомасштабной модернизации основных сфер жизни коренного населения региона.

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основное содержание диссертационного исследования изложено в 45 статьях и 2 монографиях общим объемом 62,8 п. л., в том числе в изданиях ВАК – 19 статей, объемом 9,6 п. л.

Работы, опубликованные в периодических научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Волков И.В. Конфессиональные особенности интеграционных процессов в Туркестане (1910-1916) // Власть. 2009. № 4. С. 148-151 (0,5 п. л.).

2. Волков И.В. Военная контрразведка Русского Туркестана и мировые процессы // Власть. 2009. № 8. С. 147-150 (0,5 п. л.).

3. Волков И.В. Миссионерство и государственно-религиозные отношения в Туркестане // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 4 (28). С. 203-206 (0,5 п. л.).

4. Волков И.В. Миссионерская деятельность православной церкви на национальных окраинах Российской империи (на примере Туркестана второй половины XIX – начала XX вв.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2010. № 1. С. 146-154 (0,5 п. л.).

5. Волков И.В. Закаспийская военная железная дорога и ее влияние на закрепление России в Средней Азии // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2010. Т. 10. № 5. С. 51-55 (0,5 п. л.).

6. Волков И.В. Деятельность военной администрации по управлению Русским Туркестаном // Власть. 2010. № 5. С. 156-158 (0,5 п. л.).

7. Волков И.В. Торгово-экономические связи России с Туркестаном (вторая половина XIX – начало XX вв. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 3 (32). С. 145-147 (0,5 п. л.).

8. Волков И.В. Переселенческая политика царизма в Русском Туркестане: правовой аспект // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек: КРСУ, 2013. Т. 13. № 6. С. 9-14 (0,5 п. л.).

9. Волков И.В. Железнодорожные коммуникации как фактор развития Русского Туркестана // Пространство и время [Space and Time]. 2013. № 3 (13). С. 92-98 (0,5 п. л.).

10. Волков И.В. Военно-стратегическое управление в царской России: региональный аспект (1865–1917 гг.) // Власть. 2014. № 4. С. 162-166 (0,5 п. л.).

11. Волков И.В. К 150-летию присоединения Средней Азии к России: изменение исследовательских парадигм // Диалог со временем. 2015. № 52. С. 284-302 (0,6 п. л.).

12. Волков И.В. Система этноконфессиональных отношений в Русском Туркестане как основа межцивилизационного сотрудничества в Средней Азии // Исламоведение. 2016. Т. 2. № 2. С. 5-15 (0,5 п. л.).

13. Волков И.В. Административно-территориальные функции МИД России по управлению национальными окраинами империи // Власть. 2016. № 7. С. 187-192 (0,5 п. л.).

14. Волков И.В. Сырдарьинская линия – как орган управления пограничными территориями в Туркестане // Клио. Ежемесячный журнал для ученых. 2017. № 1(121). С. 87-93 (0,5 п. л.).

15. Волков И.В. Власть и мусульманская школа в Русском Туркестане (1867-1881 гг.) // Власть. 2017. № 1. С. 148-155 (0,5 п. л.).

16. Волков И.В. Власть и здравоохранение коренного населения в Русском Туркестане // Вестник Таджикского национального университета. 2017. № 3/7. С. 7-12 (0,5 п. л.).

17. Волков И.В. Об учреждениях общественного призрения в Туркестанском крае: историко-правовой аспект // Власть. 2017. № 12 (25). С. 137-142 (0,5 п. л.).

18. Волков И.В. Организация и деятельность «туземной» милиции в Русском Туркестане // Власть. 2018. № 6. С. 146-151 (0,5 п. л.).

19. Волков И.В. Социальная политика царской власти в Русском Туркестане: сфера здравоохранения // Власть. 2019. № 1. С. 237-244 (0,5 п. л.).

Работы, опубликованные в других научных изданиях:

20. Волков И.В. Правовые аспекты переселенческой политики царизма в Туркестане (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. Вып.15. Серия: Право. 2007. 429 с. С. 21-29 (0,5 п. л.).

21. Волков И.В. Туркестан и борьба с «военным шпионством» // Вестник Казахского национального университета им. Альфа-Раби. Серия историческая. 2009. № 2 (53). С. 131-134 (0,5 п. л.).

22. Волков И.В. Специфика деятельности военной контрразведки в Туркестане // Диалог цивилизаций. 2009. № 9. С. 106-112 (0,5 п. л.).

23. Волков И.В. О православном прозелитизме на территории Русского Туркестана // Первые Международные Пасхальные чтения «Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков». Сборник материалов. Бишкек: Информ-изд. центр во имя св. равноап. Кирилла и Мефодия Бишкекской и Кыргызстанской епархии, 2013. 256 с. С. 102-105 (0,5 п. л.).

24. Волков И.В. Российская военная контрразведка на рубежах Центральной Азии: личности и события (последняя треть XIX – начало XX вв.) // Личность в политических, экономических и культурных процессах российской истории. Материалы XVII Всероссийской научно-теоретической конференции. Москва, РУДН, 16–17 мая 2013 г. М.: Экон-информ, 2013. 756 с. С. 132-137 (0,5 п. л.).

25. Волков И.В. Об истоках российской торговли в Прикаспийском регионе: общий и правовой аспекты (XV – XVII вв.) [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и время. 2014. Т. 5. Вып. 1. Часть 2: Пространство и время Каспийского Диалога. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_e-ast5-1-2.2014.13.

26. Волков И.В. Государственно-религиозные отношения в Русском Туркестане // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XIII Междунар. науч. конф., Иваново, 12-13 марта 2014 г.: в 2 ч. Иваново: Ивановский гос. университет, 2014. Ч. 2. 732 с. С. 432-438 (0,5 п. л.).

27. Волков И.В. Проблема присоединения Средней Азии в освещении вузовской учебной литературы в России и странах «ближнего зарубежья» //

Преподавание отечественной истории: исторические факты и их интерпретация [Текст] = Teaching of national histiry: historic facts and their interpretation : материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, Москва, РУДН 15–16 мая 2014 г. : [с CD-приложением] / М-во образования и науки Российской Федерации, Российский ун-т дружбы народов, Фак. гуманитарных и социальных наук ; [отв. ред. В.В. Керов]. М.: Экон-информ, 2014. 15 с.

28. Волков И.В. Экономическая политика царизма в Русском Туркестане в конце XIX – начале XX века // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков: материалы XIV Международной научной конференции. Иваново, 18-19 марта 2015 г.: в 2 ч. Сборник научных трудов. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2015. Ч. 2. 656 с. С. 274-280 (0,5 п. л.).

29. Волков И.В. Христианство и Ислам в Туркестане: опыт мирного сосуществования // Язык и литература. Республика Азербайджан. Баку: Бакинский государственный университет, 2015. № 1(93). С. 347-349 (0,5 п. л.).

30. Волков И.В. «Новый Шелковый путь» и железные дороги Русского Туркестана // История в подробностях. 2015. № 8 (62). С. 36-42 (0,5 п. л.).

31. Волков И.В. Россия и Восток: Туркестанский азимут (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского с международным участием съезда востоковедов. Уфа, 7-10 октября 2015 г. Уфа: БашГУ, 2015. 480 с. С. 81-84 (0,5 п. л.).

32. Волков И.В. Этноконфессиональные отношения в Русском Туркестане // Макарьевские чтения: материалы X Международной научной конференции (25–27 ноября 2015 г.), Сборник научных трудов. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2015. 408 с. С. 37-46 (0,5 п. л.).

33. Волков И.В. Колонизация Туркестанского края и его «нравственная» обеспеченность // История в подробностях. 2015. № 9 (63). С. 64-72 (0,5 п. л.).

34. Волков И.В. Роль России в исторических судьбах народов Центральной Азии: историографический аспект // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2016. № 4. С. 3-7 (0,5 п. л.).

35. Волков И.В. Колонизация Русского Туркестана: религиозный аспект // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков: материалы XV Междунар. науч. конференция. Иваново, 23–24 марта 2016 г.: в 2 ч. Сборник научных трудов. Иваново: Ивановский гос. университет, 2016. Ч. 1. 684 с. С. 73-80 (0,5 п. л.).

36. Волков И.В. К вопросу о кануне присоединения Средней Азии к России: историко-правовой аспект // Сборник научных трудов / Под ред. проф. А.С. Смыкалина. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2016. 1198 с. С. 219-234 (0,5 п. л.).

37. Волков И.В. Ташкентское контрразведывательное отделение накануне революции (1911-1917 гг.) // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные органы безопасности: история и современность. Материалы XX Всероссийской научной конференции. (Москва, 1–2 декабря 2016 года). М., 2017. 360 с. С. 50-56 (0,5 п. л.).

38. Волков И.В. Органы политического сыска Русского Туркестана накануне революции 1917 г. // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения (Отечественные спецслужбы в эпоху войн и революций. 20-21 апреля 2017 г.). Выпуск XV. «Гороховая, 2». 2017. Сборник научных трудов. СПб.: Любавич, 2017. 420 с. С. 110-115 (0,5 п. л.).

39. Волков И.В. Традиционное мусульманское образование в Русском Туркестане (1867–1881гг.) // Российская революция 1917 г.: история и современность: материалы XIX Всероссийской научной конференции, Москва 12 апреля 2017 г. М.: РУДН, 2017. 187 с. С. 20-26 (0,5 п. л.).

40. Волков И.В. Христианский прозелитизм на национальных окраинах Российской империи (на примере Туркестана второй половины 19 – начала 20 вв.) // Личность и время. Николай Остроумов: востоковед, просветитель, летописец эпохи. Материалы Международной научной конференции. Ташкент: Turon zamin ziyo, 2017. 324 с. С. 281-296 (0,5 п. л.).

41. Волков И.В. Правовое регулирование женского образования в Туркестанском крае // Россия и Узбекистан: исторический опыт модернизации в процессе взаимодействия и диалога цивилизаций. Материалы Международной научной конференции. Ташкент: Muharrir nashriyoti, 2018. 324 с. С. 294-302 (0,5 п. л.).

42. Волков И.В. «Туземное» самоуправление – как часть административной системы русского Туркестана // Проблемы истории общества, государства и права. Материалы Межрегиональной научной конференции «Актуальные проблемы истории государства и права России и зарубежных стран». Сборник научных трудов. Екатеринбург: УрГЮУ, 2018.Вып. 5-й. 394 с. С. 177-198 (0,5 п. л.).

43. Волков И.В. О «воспрепятствовании тем мерам иностранных государств, кои могут вредить интересам обороны государства» // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность. Материалы XXII Международной науч. конференции (Москва, 6–7 декабря 2018 года). М.: Общество изучения истории отечеств. спецслужб, 2018. 350 с. С. 43-48 (0,5 п. л.).

44. Волков И.В. Эволюция «Военно-народного управления» в Русском Туркестане (1865-1886 гг.) // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018): в 2-х тт. т.1: Эволюция российского и зарубежного государства и права: историко-юридическое исследование. Сборник научных трудов. Екатеринбург: УрГЮУ, 2019.Вып. 5-й. 1147 с. С. 593-606 (0,9 п. л.).

45. Волков И.В. Эволюция административного управления в Русском Туркестане (1897-1917 гг.) // Проблемы истории общества, государства и права / Сборник научных трудов. Екатеринбург: УрГЮУ, 2019.Вып. 7-й. 391 с. С. 75-91 (0,8 п. л.).

Монографии:

46. Волков И.В. Религиозные аспекты переселенческой политики царизма в Туркестанском крае: 1867–1917. Бишкек: КРСУ, 2007. 64 с. (4,5 п. л.).

47. Волков И.В. Роль России в исторических судьбах народов Средней Азии: дореволюционный период (по архивным, правовым и иным материалам). М.: Авторская Академия, 2018. 584 с. (35 п. л.).

Волков И.В. (Россия)

Исторические аспекты цивилизационной политики царской России в Средней Азии

Диссертация посвящена комплексному и всестороннему анализу роли Российского государства в исторических судьбах коренных народов Средней Азии. Выявляются общие закономерности и специфические особенности ее функционирования, его основные направления, проблемы и результаты, связь с современностью.

Результаты диссертации, использованные в ней источники, апробированные исследовательские положения и выводы могут быть востребованы для дальнейшего исследования проблематики и практического использования в научно-исследовательской, педагогической и иной деятельности.

Volkov I.V. (Russia)

Historical aspects of civilized policy of Imperial Russia in Central Asia

The dissertation is devoted to the complex and all-round analysis of a role of the Russian state in historical fortunes of indigenous population of Central Asia. The general regularities and specific features of its functioning, its basic directions, problems and results, communication with the present come to light.

The results of the dissertation used in it sources, the approved research positions and conclusions can be demanded for the further research of a problematics and practical use of research, pedagogical and other activity.